

Бай Мянъ замер.

Он смотрел на холодный и отрешенный профиль Бо Цинъянь. В ушах звенело, он не слышалабсолютно ничего.

Он не знал, как поднялся на ноги. Не знал, как вышел.

Он знал лишь одно: он больше не мог там оставаться.

Опустив голову, сдерживая слезы, он кое-как, спотыкаясь, брел вперед.

На улице было много людей, все куда-то шли, но никто не обращал на него внимания.

Так даже лучше, думал он. Раз никто не обращает на него внимания, никто не увидит его в таком виде.

Он не знал, сколько времени блуждал и в какой переулок свернул. Опомнившись, он обнаружил, что прижался спиной к ледяной стене и тяжело, прерывисто дышит.

Сердце в груди отчаянно колотилось, словно пытаясь проломить ребра и вырваться наружу.

Глаза жгло от подступающих слез, но он изо всех сил, до боли сдерживался, не позволяя им пролиться.

Жена сказала, что он и впрямь недостоин.

Жена сказала, и правда.

Он вспомнил ту ночь: жена прижимала его к себе, ее дыхание касалось его затылка, а голос был тихим, заставляя его изливать свою истому лишь ей одной.

Он вспомнил, как проснулся утром: жена еще спала, а холод в уголках ее глаз и наброске бровей растаял, сменившись мягкостью. Он тайком любовался ею долго-долго, не смея пошевелинуться, боясь разбудить.

Он вспомнил, как за утренней кашей жена все время смотрела на него. Ему стало неловко, он опустил голову, и кончики его ушей покраснели. Жена ничего не сказала, но он чувствовал этот взгляд — словно нежная рука, опустившаяся на его плечо.

Неужели все это было ложью?

Он не знал.

Он знал лишь одно: его сердце так сильно болело.

В сто раз сильнее, чем рана на ноге в ту ночь.

Прислонившись к стене, Бай Мянью медленно опустился на корточки и уткнулся лицом в колени.

Он не плакал.

Он просто сидел там, сжавшись в маленький комочек, похожий на брошенного зверька.

Прошло неизвестно сколько времени, когда из конца переулочка донеслись шаги.

Бай Мянью не поднял головы.

Шаги приближались, пока не остановились прямо перед ним.

— Ого, чья же это маленькая красавица?

Раздался сальный голос, пробирающийся в уши, словно змея.

Бай Мянью всем телом оцепенел и резко поднял голову.

Перед ним стояли трое мужчин, глядя на него свысока.

— Только посмотри на это личико, на эту фигурку... — расплылся в улыбке один из них. — Это же котел, верно?

Краска вмиг отхлынула с лица Бай Мянью. Он отшатнулся назад, и его спина уперлась в холодную стену.

— Н-не подходите...

— Не подходить? — усмехался тот мужчина. — Малыш, раз ты один сидишь в таком месте, разве не ждешь, пока кто-нибудь тебя утешит?

Он протянул руку, ухватил Бай Мянью за подбородок и заставил поднять голову.

— Тыфу ты, какая неженка.

Бай Мянй весь задрожал, отчаянно пытаясь вырваться, но рука мужчины была подобна железным клещам — вырваться не удавалось.

— Пустите... Пустите меня!

Он попытался укунить обидчика, но тот влепил ему пощечину.

От удара голову Бай Мянй откинуло в сторону, лицо обожгло огнем, а в уголках рта выступила кровь.

— Добром не хочешь, будет по-плохому, — мужчина ухмыльнулся. — Уводим.

— Есть!

Двое других шагнули вперед, каждый схватил Бай Мянй за руку и поднял с земли.

— Пустите! Помогите... —

Его рот закрыли рукой.

— Чего орешь? Еще наорешься всласть.

Вжик —

Воротник одежды с треском разорвался, обнажая нежную белую кожу.

Слезы брызнули из глаз Бай Мянй, и он отчаянно забился. Брыкался, пинался, извивался, вкладывая в это все оставшиеся силы. Но все его жалкие усилия перед лицом этих троих были лишь барахтаньем птенца.

— Какая же нежная кожа...

Та самая рука скользнула ему на шею.

Бай Мянй закрыл глаза и задрожал всем телом.

Жена...

Жена...

Спаси меня...

Слезы покатались по щекам, затерявшись в прядях волос у висков.

В самый критический момент промелькнул холодный отблеск меча.

А затем та рука, что касалась шеи Бай Мян, отлетела прочь, отрубленная ровно по запястью.

— А-а-а! —

Истошный, дикий крик, похожий на визг резаного поросенка, разорвал тишину переулка.

Бай Мян открыл глаза.

Перед ним стояла фигура в белом.

Белоснежные одежды, иссиня-черные волосы собраны в высокий хвост, а длинный меч в руке источает пронизывающий ледяной свет. Этот свет отражался в глазах человека, холодных настолько, что от них везло абсолютным безразличием.

— Ж-жена...

Бо Циньянь не глядела на него.

Она смотрела на тех троих, и взгляд ее был холоден, как тысячелетний лед.

— Какая рука касалась?

Лишившийся кисти мужчина зажал культю, его лицо побелело как мел: — Т-ты кто такая? Я тебе говорю, я вообще-то...

Слова замерли на губах: его вторая рука тоже оказалась отсечена.

— А-а-а! —

Голос Бо Циньянь прозвучал равнодушно: — Судя по всему, обе руки.

Те двое, что держали Бай Мяня, давно испуганно выпустили его из рук и попытались сбежать.

Но едва сделав пару шагов, они синхронно получили ранения мечом в ноги и рухнули в лужу крови.

— Кто вам разрешал бежать?

Бо Цинъянь подошла ближе, и ее обувь с глухим звуком ступила в багровую лужу. Она остановилась прямо перед ними, глядя сверху вниз.

— Какая рука трогала только что?

Оба дрожали от страха и тыкали на мужчину без рук: — Э-это он трогал! Мы просто держали, б-больше ни к чему не прикасались...

— Держали? — Бо Цинъянь усмехнулась.

Едва заметная улыбка, от которой у любого по спине побежали бы мурашки.

— Держать — это тоже касаться.

Вспыхнул свет меча.

Два крика слились в один.

Бо Цинъянь убрала меч в ножны, повернулась и посмотрел на юношу, сжавшегося в углу.

Его одежда была порвана, обнажая большие участки кожи. На щеке алел след от пощечины, а в уголках рта виднелась кровь. Обхватив себя руками, он превратился в маленький дрожащий комочек, а по лицу беззвучно текли слезы.

Бо Цинъянь подошла и присела перед ним на корточки.

Юноша поднял голову, и, увидев ее, заплакал еще сильнее.

— Ж-жена...

Юноша раскинул руки, словно тонущий человек, заметивший обломок дерева, и попытался броситься ей в объятия.

Бо Цинъянь не шевельнулась.

— Что я тебе говорила?

Бай Мянй замер, его руки так и остались висеть в воздухе.

— Не смей плакать на улице.

Бай Мянй отчаянно закивал, беспорядочно размазывая слезы руками, но те лишь лились с новой силой, остановить их было невозможно.

— Я-я не плачу... Жена... Я больше не плачу...

Чем сильнее он торопился оправдаться, тем больше слез наворачивалось на глаза, и в конце концов он закрыл лицо руками, заходясь крупной дрожью.

— Жена... Прости... Я не плачу... Я правда больше не плачу...

Глядя на то, как он закрыл лицо руками, отчаянно пытаясь сдержать всхлипывания, а его плечи мелко подрагивают, Бо Цинъянь протянула руки и подняла его.

Бай Мянй всем телом напрягся, а затем мертвой хваткой вцепился в ее шею, уткнувшись лицом ей в плечо.

От нее исходил тонкий холодный аромат, похожий на сосновый бор после снегопада. Уткнувшись в этот оплот тепла, он жадно вдыхал его.

— Жена... Жена... Жена...

Снова и снова звал он ее, и голос его так сильно дрожал, будто он боялся, что в следующую секунду она исчезнет.

Бо Цинъянь ничего не отвечала. Она просто несла его в объятиях, развернувшись и уходя прочь.

Бай Мянй не знал, куда именно Бо Цинъянь его принесла.

Он знал лишь одно: его несли на руках очень долго. Шаги у нее были твердыми, ровными, неторопливыми. Уткнувшись лицом в ее плечо, он чувствовал мерное и сильное биение ее сердца.

Затем они вошли куда-то.

Его опустили на пол. Подняв голову, он увидел квадратную комнату без окон, освещенную лишь тусклым желтоватым светильник.

Похоже на тюремную камеру.

<http://bllate.org/book/22395/2350070>